

СВЕРХБЫТИЕ И ВЫСШАЯ СИЛА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Еворовский Валерий Борисович,

Институт философии НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь)

Допуская существование человека и не исключая из рассмотрения других живых существ, мы можем окружающий нас мир разделить на две части. Следуя далее классической философской традиции, мы можем к первой отнести мир вещей, а к другой сонм феноменов или неких вторичных конструкций, которые получаются в результате идеального преобразования реальности. Причем, здесь мы не можем говорить о некоем простом отражении, когда реальность как бы полностью входит в сознание, попутно меняя свою форму с материальной на идеальную, а именно о конструировании, когда органы чувств и связанные с ними нейронные сети действуют подобно современным измерительным приборам. Мы, таким образом, допускаем, что фрагмент реальности уже на бессознательном уровне превращается в артефакт, то есть не только меняет субстрат, но приобретает какое-то первоначальное смысловое значение.

Общим местом многих работ, описывающих сознание, является подчеркивание умозрительности любых конструкций в этой области. Соотношение мира идей и мира вещей мы, как и некогда очень давно, в античности вынуждены придумывать, а не экспериментально описывать. По многим причинам мы до сих пор не знаем, как работает сознание, как на самом деле внешний мир входит в нашу голову, а затем выходит из нее в виде феноменов. Искусственный интеллект в его полном воплощении, подобно той же Матрице или «Бегущего по лезвию», в большинстве своем и ныне удел фантастики, когда писатель или режиссер может несколькими штрихами создать образ нового синтетического человека и лишь потом рассуждать о его судьбах и соотносительности с миром биологических людей. Неким бумерангом такие картины бьют не только по обыденному сознанию, но прямо или косвенно затрагивают современные философские построения. Мы как бы живем в предвкушении, не предполагая, что в данном ожидании нам, видимо, придется пребывать довольно долго.

Существует мозг, существует некий набор объектов, которые мы считаем внешними и, наконец, есть что-то, а вернее кто-то, который так считает. Под этим последним мы подразумеваем собственное Я. Однако подобная схема уже вносит существенные новации в классическое философское рассмотрение.

Так исторически сложилось в философии, что Я и когито часто использовались как синонимы. Я производит мысли, то, что я мыслит со времен Декарта – это последнее, что это я, а вернее я как автор этих слов о себе может сказать. Можно сомневаться в чем угодно, кроме своей способности мыслить. Однако если мы вводим в систему наших рассуждений функциональность головного мозга, то *res cogitans* из некой корпускулы превращается именно в структурированную вещь, в которой присутствует мозг и продуцируемое им сознание.

Наше Я возникает в недрах головного мозга, и мы не знаем, как наш организм это делает. То есть конфигурации нашего привычного жизненного мира могут быть в некой соотносительности с той деятельностью, что производит мозг, а может и не иметь таковой. Если мы принимаем тезис, что мозг так или иначе воспроизводит ту конфигурацию, что соответствует нашему Я, мы не можем далее сказать, что это есть главное предназначение человека или процесс, обладающий наивысшим уровнем приоритета.

Без мыслей мы, видимо, не существуем как Мы, но, с другой стороны, в рамках человека как биологического существа является ли главным производство мыслей и способствование удовлетворению наших потребностей и воплощению желаний? Вопрос не будет иметь ни положительного ни отрицательного ответа. Весьма сомнительно и то, соответствует ли природе мозга как биологического субстрата любое разделение на главное и второстепенное.

Однако и сознание, и Я (как некая его квинтэссенция, главный маркер и представитель) если не полностью являются следствиями биологических и физических движений, происходящих внутри нас, но, тем не менее, немислимы без них. С этой (назовем ее одновременно внутренней и материалистически перспективной) Я есть не только последний форпост социальности, но и некий очередной процесс или пока совершенно непонятая комбинация нейронов внутри нас.

И здесь мы получаем своеобразный парадокс. С одной стороны, Я и его способность мыслить со времен Декарта является первоначалом как бытия, так и существования. С другой стороны, как сознание, так и Я может быть совсем рядовой процесс в сложной иерархии всего происходящего в недрах нашего организма, которому используемый язык, да и принимаемая вслед за ним логика вещей, не может отказать ни в бытии, ни в существовании.

Исходя из такой позиции, вся наша рациональность может рассматриваться как некая надстройка над той системой взаимодействия с реальностью, которая возникла ранее и продолжает существовать у наших биологических предков. С этой точки зрения, довольно сложно позиционировать приоритетное место для нашего сознания в общей структуре управления организмом и его взаимодействие с окружающей средой. Ибо нет прямого ответа на вопрос, что, с точки зрения мириадов в основном пока не отклассифицированных процессов, происходящих в головном мозге, является главным, а что второстепенным.

Можно предположить, что любое живое существо существует внутри некоей пространственно-временной матрицы, а если считать, что оно относится к тому разряду организмов, которые осуществляют перемещение, то есть изменяют свое положение в рамках трехмерной системы координат и не просто осуществляет перемещение, но и делает это ради чего-то, реализации своих жизненных функций, то есть все основания считать, что такое живое существо должно предвидеть ситуацию, двигаться к определенной точке, например, ради того, что бы пересечься в ней с неким важным для его жизнедеятельности объектом или наоборот избежать встречи с тем, что несет потенциальную опасность. Таким образом, мы можем говорить и про ошибки, и про предвидение или не говорить, если допустить, что некие относительно несложные или не долго живущие системы являются не обучаемыми и живут строго в рамках, заложенных образцов поведения. Однако от схемы «предвидеть и корректировать» нам нужно сделать еще один небольшой шаг. Не только наш мозг, но и подобные системы совсем простых организмов не предвидят будущее, но создают его, ибо любое событие немислимо без его участников. Далее, если мы говорим, что корректируем чьи-то ошибки, то остается вопрос, кто является их автором.

Однако в этом элементарном случае при допущении возможности коррекции ошибок, потребности смотреть вперед за рамки, предстоящей перед органами ощущения, некоей на данный момент времени стабильной пространственно-временной конфигурации, как-то само собой предполагаются все те же (заметим в скобках только отдаленно похожие на кантовские) некие априорные предпосылки, своеобразные предустановки будущего, без которых даже нечеловеческий опыт не может осуществиться. Ибо, чтобы стремиться к чему-то, нужно рационально или нет представлять то, что требуется достигнуть.

Работа с миром в случае многих живых существ включает обработку информации. Для современной науки очевидным сейчас считается, что ключевым органом в этом процессе будет головной мозг или его прототипы. Наиболее просто нашу работу с информацией можно рассматривать как ее накопление. В случае, если организм получает некий массив данных, на него следует та или иная реакция. То есть в таком (теперь уже совершенно сомнительном) случае важный для живого существа объект как бы входит в его мозг, очевидно, далее вызывая

некую ответную реакцию. Любое признание возможности для живого существа каким-либо образом модифицировать информацию поднимает вопрос о неких данных извне априорных механизмах (в случае если мы у того или иного вида признаем неспособность к воспитанию – врожденных).